

21 АВГ 1986

ПЕРВОУЧАЩЕЕ КОМПОНОВАНИЕ
С. Москва

БАЛЕТ

ТАНЕЦ—МОЯ ЖИЗНЬ

ДЕСЯТИЛЕТНИМ мальчишкой, посмотрев спектакли Большого театра, Марис Лиена написал в своем дневнике: «Я тоже буду танцевать принца в «Лебедином озере». Думал ли он, что его мечте суждено было сбыться и впервые он выйдет на сцену в бессмертном творении Петра Ильича Чайковского вместе с легендарной балериной современности Майей Плисецкой? Но мечта стала явью. И сегодня, говоря о балете, мы уже не можем не говорить о творчестве выдающегося советского танцовщика народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Мариса Лиены. Недавно артист отпраздновал юбилей — 50 лет со дня рождения и 30 лет творческой деятельности. Эти две даты послужили поводом для нашей встречи. И, естественно, что первый вопрос, который мы задали Марису Эдуардовичу, был о главном деле его жизни.

— Что для вас балет?

— Балет — это моя жизнь. Это мое, кровное, родное. Когда я читаю, пишу, слушаю музыку, снимаюсь в кино — все это для балета, полностью подчинено ему. Балет объединяет в себе гармонию физических и духовных сил, актерское мастерство, и пластически выразительное решение, и еще очень многое, позволяющее ощутить жизнь в ее праздничном облике. Чайковский говорил, что балет — это праздник искусств.

— В балете главное — владеть техникой или...

— В училище мы специализировались во всех направлениях. Я с огромным удовольствием занимался и характерным, и классическим, и историческим танцами. Это дало мне впоследствии возможность исполнять самые различные роли. И еще нас учили глубокому психологическому постижению образа.

Каждому актеру, если сравнивать его со спортсменом, надо всегда знать «противника» — антипода своего героя. На такое проникновение в характер образа педаго-

ги ориентировали нас. Лично мне потом это очень помогло. Например, в одной из постановок «Спартак» я танцевал вождя восставших рабов. Когда же мне предложили в другой постановке роль Красса, я уже отчетливо представлял себе его черты, чер-

— Работы последних лет — партии Рогожина в балете «Идиот», Хиггинса в телефильме «Галатей», Каренина внесли новые, неожиданные краски в ваш творческий портрет. Какие роли вам все-таки ближе? Лирические? Характерные?

«Жизели», и Ромео, и Юноша из «Видения розы».

— Вам принадлежит возобновление на советской сцене этого шедевра мировой хореографии...

— Десять минут спектакля — именно столько он продолжается — стоили мне десяти

ты противника моего прежнего героя. То же самое было с Вронским и с Карениным, которых исполнил, в «Бахчисарайском фонтане», где танцевал и Вацлава и Гирей; и в «Жизели» — Альберта и Лесникого. Мне по-актерски и по-человечески интересно исполнять образ, антипод которого я играл в другом спектакле. В одном из них живу его жизнью, а в другом — реагирую на него совсем с иных позиций.

Достичь подобного было бы трудно, если бы техника стала самоцелью. Но в советском балете доминирует непреложное правило, что техника — лишь средство выражения. Этому правилу я следовал всю свою жизнь. И когда сам танцевал на сцене, и сейчас, работая балетмейстером и педагогом.

— Красс действительно все перепутал. Счастье, что эта роль пришлось в пору моей творческой зрелости. У нас говорят: «Приходит опыт — уходит прыжок». Красс достался мне, когда уже был накоплен опыт и еще не ушел прыжок. Для его создания понадобилась вся палитра красок предыдущих спектаклей: темперамент Ромео, походка Принца, мужество Ферхада... Для меня он невозможен однозначным, плакатно-отрицательным. Чем сложнее и умнее Красс, тем величественнее и значимее в спектакле фигура Спартак, тем сложнее единоборство героев и ярче драматургическое развитие образов.

Если бы вы спросили, какая моя любимая роль, я бы назвал, конечно, Красса, хотя сердцу милы и Альберт в

лет напряженного труда. Собираю его буквально по крохам — по статьям критиков, по воспоминаниям очевидцев первой постановки, по рисункам и фотографиям из театральных архивов...

Лиена не просто возобновил балет «Видение розы», но и исполнил в нем главную роль, по-своему прочтя музыку Вебера, точно уловив своеобразие и тонкость фокинской хореографии.

— Некоторые склонны называть многообразие творческих интересов разбросанностью. Но, судя по вашим удачам — танцовщика, хореографа, педагога, киноартиста, для вас творческое бытие в различных качествах вполне естественно.

— Возможно ли, чтобы душа человека жила в единственном измерении?

Меня увлекает многое, и я об этом не жалею. Люблю, например, учительствовать и вот уже более двадцати лет преподаю. А еще я люблю... журналистское дело.

— Читателям наверняка будет интересно узнать немного о вашей книге, изданной в Риге на латышском языке, — «Хочу танцевать сто лет...».

— Не правда ли, парадоксальное название для книги танцовщика, век которого на сцене, увы, не столь долгод! Но я вложил в это название один-единственный смысл, обозначив символически неизбывную жажду творчества.

— Ваш рассказ построен в форме законченных писем?

— Да, это письма к моим читателям — зрителям, которых волнуют проблемы сегодняшнего балета. Ведь нынче становится все больше и больше людей, живо интересующихся самим процессом творчества. Названия моих писем: «Об азбуке», «В подмастерьях», «О славе», «О времени в жизни и в искусстве»... Мною двигало желание приоткрыть некоторые тайны вдохновения и вместе с тем ввести читателей в будни артиста, со всеми их радостями и огорчениями. А совсем недавно вышло в свет второе издание моей книги «Вчера и сегодня в балете» — книга о трудной и интересной работе артиста балета.

— Ну, я думаю, у вас было больше радостей, нежели огорчений. Советская и зарубежная пресса очень доброжелательно всегда писала о вас. В Англии, к примеру, вас называли Лоуренсом Оливье в балете. Во Франции вы удостоены двух высших наград Академии танца — премии имени Вацлава Нижинского и медали Мариуса Петипа. Совсем недавно в США вам была присуждена премия Американской ассоциации танца... Ваше отношение к славе, аплодисментам?

— Я давно уже понял, что подобная зрительская реакция — далеко не всегда до-

казательство успеха и настоящей славы. Зритель часто аплодирует прошлым заслугам, успеху и настроению всего спектакля, а может быть, и попросту оттого, что впервые оказался в Большом театре и ему надо излить восторг. Так что я лучший себе судья.

— А как сложилась жизнь Мариса Лиены — балетмейстера?

— В течение двух лет я возглавлял балетную труппу в Софийской народной опере. Поставил два балета: «Спящая красавица» и «Видение розы». Готовил молодежь театра к конкурсам балета в Москве, Варне, Токио, Хельсинки — где все шесть моих учеников получили награды. С теплотой вспоминаю время работы с моими болгарскими коллегами.

— А каковы ваши творческие планы сегодня?

— Этот год я полностью посвятил кино — в скором времени на экраны страны выйдут четыре фильма с моим участием, а в плане на будущий год — постановка балета на музыку Никиты Богословского. Возможно, это будет фильм-балет или телефильм, возможно, театральная постановка. Конечно же, мечтаю о собственном театре — убежден в том, что хореограф может себя высказать только в коллективе единомышленников.

— Ваши дети пошли по вашим стопам? Что они взяли у вас?

— Это нелегкий и щекотливый вопрос, но я все же попытаюсь ответить. Прежде всего у них, как мне кажется, есть целеустремленность. Они умеют стойко переносить боль, с которой, увы, связана вся наша профессия. Конечно, можно работать в классе и вполсилы, но это ведет к поражению. Только нагрузив себя до предела, до ощущения боли, преодолевая ее, можно стать настоящим танцовщиком. Того, что я не успел сделать в балете как исполнитель, хочу верить, удастся добиться моему сыну. Во всяком случае я искренне желаю этого.

Беседу вел В. ГАЛИЦИН.
Фото А. НАТРУСКИНА.